

Theatre and Music.

The Kerzin Circle of Russian Music Lovers, in addition to vocal mornings, will organize two symphonic concerts this season, and the first of them was on the morning of January 16, in the Great Hall of the Assembly.

The program consisted of works by Glinka, Rimsky-Korsakov and Tchaikovsky, the soloist was S. I. Taneyev, and the conductor of the concert S. V. Rachmaninoff.

The first part of the concert was dedicated to Tchaikovsky's Fifth Symphony. We hold this work in the highest regard and are delighted that the Circle has begun its symphonic concerts with it, seeing this as a good omen for the future, for we hope that symphonic music will take root at the Circle's gatherings as firmly as chamber music has already.

The concert poster included a short summary of opinions expressed in the press about the works performed. Regarding Tchaikovsky's symphonies, it included commentary by the composer himself, who in a private letter expressed dissatisfaction with this work. In essence, this dissatisfaction was primarily caused by the prevailing tone in the St. Petersburg press after the first performance of the symphony, for which the composer himself was primarily to blame for his far from perfect management of the orchestra (incidentally, the reviews themselves were very unfounded). The letter from which this excerpt is taken was written on December 2, 1888, and a week later the symphony was performed for the first time in Moscow, and the press reviews were already quite different. Three months later, in a letter from Hamburg (The Life of P. I. Tchaikovsky, Vol. III, p. 301), Tchaikovsky said tactfully: "The Fifth Symphony was performed magnificently, and I began to love it again, for I had formed an exaggerated—bad—opinion about it." From this it is clear that the excerpt from the letter given in the poster expressed only the composer's fleeting mood, and by no means a serious judgment about his composition.

S. V. Rachmaninoff can essentially be considered almost a novice in conducting symphonic music, and therefore the performance of such a complex and difficult composition as Tchaikovsky's Fifth Symphony was of great interest as a serious test of the young conductor's talent.

In general, S. V. Rachmaninoff passed this test much more than successfully, for in many respects the symphony was performed superbly, which for us serves as undoubted proof that in Mr. Rachmaninoff's ranks we have a great talent as a conductor, which can be judged much better in the performance of symphonic works than in opera performances.

Mr. Rachmaninoff's great merit lies in his very firm adherence to the integrity of a piece, without being carried away by detailed effects or, for their sake, breaking the general line of the composition. One can only hope that Mr. Rachmaninoff would always approach the performance of major works in this way, for this constitutes one of the chief virtues of a conductor in symphonic music.

Another major advantage of the new conductor can be considered the greater balance of the orchestral groups, with the middle voices performing extremely clearly. Rachmaninoff never covers anything, and this advantage sometimes even turns into a disadvantage for him, because in other individual moments that constitute the culminating points of musical development, one would like a more brilliant sound of the brass in order to highlight such points more clearly, to do this in the way, for example, of Mr. Nikisch.

Moving on to the details of the symphony's performance, we will say that the tempo of the performance was, perhaps, a little too slow. We have nothing against the relative slowness of the first allegro theme, for it provides a magnificent acceleration in the approach to the second theme in B minor, which is already somewhat livelier than the first. The following

theme in D major was played with beautiful expression. The so-called development was performed in a great manner, as was the return to the reprise of the first theme. The conclusion of the first movement sounded beautiful, and the slowdown was beautiful in itself, but it was a disadvantage in relation to the long introductory chords of the second movement. Many consider this second movement the best in the symphony, and perhaps they are right. Here, except for praise, we can say nothing about the performance, for it was distinguished by its poetic penetration, expressiveness, and unusually plastic clarity of presentation. In the third movement, the waltz, we must again, it seems, limit ourselves to praise alone. In the fourth, the initial tempo could perhaps have been taken somewhat slower, but the subsequent speed of movement was entirely appropriate; at the very end there was a certain crumpling in the execution, but the overall character of the conclusion was excellent. Overall, the performance of the symphony made an excellent impression on us, and we, without hesitation, welcome Mr. Rachmaninoff, a great conductor's talent for symphonic music. No less well than the symphony, if not even better, were the performance of Sadko by N. A. Rimsky-Korsakov and Kamarinskaya by Glinka. S. I. Taneyev played Tchaikovsky's Fantasy Op. 56 for Piano and Orchestra with remarkable artistic subtlety and mastery in the finishing of details and the whole. This beautiful work found in him an excellent interpreter, greatly assisted by the orchestra's excellent accompaniment. The concert can be called a complete success, both in terms of the program and the performance. The hall was completely full. N. Kashkin.

[Translation: Google]

Театръ и Музыка.

Керзинскій Кружокъ любителей русской музыки, кромѣ вокальныхъ утръ, устраиваетъ въ нынѣшнемъ сезонѣ два симфоническія и первое нихъ было утромъ 16 января, въ Большой залѣ Собранія.

Программа состояла изъ произведеній Глинки, Римскаго-Корсакова и Чайковского, солистомъ былъ С. И. Танѣвъ, дирижировалъ концертъ С. В. Рахманиновъ.

Первое отдѣленіе концерта было посвящено мятой симфоніи Чайковского. Мы чрезвычайно высоко цѣ нимъ это сочиненіе и радуемся, что Кружокъ началъ свои симфоническіе концерты имъ, видя въ этомъ хорошее предзнаменованіе для будущаго, ибо надѣмся, что симфоническая музыка привьется на собраніяхъ Кружка столь же прочно, какъ уже привилась камерная.

Къ афишѣ концерта былъ прило-женъ небольшой сводъ мнѣвій, въ сказанныхъ въ печати объ исполняв шихся произведеніяхъ. О симфоніи Чайковского приведенъ отзывъ самого автора, который въ частномъ пись-мѣ высказалъ недовольство этимъ со-чиненіемъ. Въ сущности, это недовольство было главнымъ образомъ вызвано преобладавшимъ тономъ въ петербургской прессѣ послѣ перваго исполненія симфоніи, въ чемъ вино-вать былъ прежде всего самъ композиторъ своимъ далекимъ отъ совер-шенства управленіемъ оркестра (впрочемъ, и отзывы были очень ужъ не-основательны). Письмо, изъ котораго взата выдержка, писалось 2 декабря 1888 г., а недѣлей спустя з симфонія исполнялась въ первый разъ въ Москей и отзывы прессы были уже со-всѣмъ иные. Черезъ три мѣсяца, въ письмѣ изъ Гамбурга (Жизнь П. И. Чайковского, Т. III. стр. 301), Чайковскій говоритъ такъ: „Пятая симФонін была исполнена великолѣпно, и я, снова началъ любить ее, а то у меня составилось было о ней преуве-личенно - скверное мнѣніе.“ Изъ это-го видно, что приведенный въ афишѣ отрывокъ письма выражалъ только мимолетное настроеніе композитора, а отнюдь не серіозное сужденіе о сво-емъ сочиненіи.

С. В. Рахманинова въ сущности можно считать почти новичкомъ въ дирижированіи симфоническою музыкой и потому исполненіе такой сложной и трудной композицій, какъ пятая симфонія Чайковскаго, представляло большой интересъ въ качествѣ серьезной пробы таланта молодого капельмейстера.

Въ общемъ С. В. Рахманиновъ выдержалъ это испытаніе гораздо болѣе, нежели удачно, ибо во многихъ отношеніяхъ симфонія прошла превосходно, что для насъ служить несомненнымъ доказательствомъ того, что въ лицѣ г. Рахманинова мы имѣемъ крупный капельмейстерскій талантъ, о чемъ при исполненіи симфоническихъ произведеній можно судить гораздо лучше, нежели по опернымъ спектаклямъ.

Большое достоинство у г. Рахманинова заключается въ томъ, что онъ очень твердо выдерживаетъ цѣльность мана піесы, не увлекаясь детальными эффектами и не ломая ради нихъ общей линіи композицій. Можно только пожелать, чтобы г. Рахманиновъ всегда относился такимъ образомъ къ исполненію крупныхъ сочиненій, ибо это составляетъ одно изъ главныхъ достоинствъ капельмейстера въ симфонической музыке.

Другимъ крупнымъ достоинствомъ у новаго дирижера можно считать большую уравнищенность оркестровыхъ группъ, причемъ средніе голоса выступаютъ чрезвычайно ясно. Мѣдь у г. Рахманинова никогда не покрывала и достоинство это у него переходитъ иногда въ дефицитъ даже, въ иныхъ отдѣльныхъ моментахъ, въ кульминаціонныхъ пунктахъ музыкальнаго развитія, желалось бы ничего большого блестящаго звука именно мѣдныхъ, чтобы отмѣчать ярче такие пункты, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, г. Никишъ.

Переходя къ частностямъ исполненія симфоніи, мы скажемъ, что темпъ пистродукціи было, пожалуй, чуть-чуть гулишне замедлено. Противъ относительной медленности первой темы *allegro* мы ничего не имѣемъ, ибо это даетъ великолѣпное ускореніе въ подходѣ ко второй темѣ *H-moll*, которая идетъ уже нѣсколько живѣе первой. Съ прекраснымъ выраженіемъ была сыграна слѣдующая *D-dur'*ная тема. Такъ-называемая разработка прошла Беликолѣино, какъ и возвращеніе къ репризѣ первой темы. Заключение первой части звучало прекрасно и замедленіе было сдѣлано очень красиво само по себѣ, но было невыгодно по отношенію къ долгимъ вступительнымъ аккордамъ второй части. Многіе считаютъ эту вторую часть лучшею въ симфоніи и, быть-можетъ, они правы. Здѣсь, кромѣ похвалъ, но по-воду исполненія мы сказать ничего не можемъ, ибо оно отличалось и поэтической проникновенностью, и выразительностью, и необыкновенно пластичною ясностью изложенія.

Въ третьей части, вальсѣ, намъ чакже придется ограничиться, кажется, однѣми похвалами. Въ четвертой начальное темпъ можно бы, пожалуй, взять нѣсколько медленнѣе, но въ дальнѣйшемъ скорость движенія была вполне подходящею; въ самомъ концѣ была нѣкоторая скомканность въ исполненіи, но общій характеръ заключенія вышелъ прекрасный. Въ общемъ исполненіе симфоніи произвело на насъ превосходное впечатлѣніе и мы, не колеблясь, привѣтствуемъ въ г. Рахманановѣ крупное капельмейстерское дарованіе для симфонической музыки.

Не менѣе хорошо, нежели симфонія, если даже не лучше, были исполнены Садко Н. А. Римскаго-Корсакова и Камаринская Глинки.

Съ замѣчательною художественною тонкостію и мастерствомъ въ отдѣлкѣ деталей и цѣлаго сыгралъ С. И. Танѣвъ фантазію ор. 56 для фортепіано съ оркестромъ Чайковскаго. Это прекрасное сочиненіе нашло въ немъ превосходнаго истолкователя, чѣмъ много помогать отличный аккомпанименты оркестра.

Концертъ можно назвать вполне удавшимся, какъ по программѣ, такъ и по исполненію. Зала была совершенно полна. Н. Кашкинъ.